

В.А.КУЗНЕЦОВ

НЕКРОПОЛЬ СЕН-МАРТЕН ДЕ ФОНТЕНЕ В НОРМАНДИИ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ (материалы эпохи Великого переселения народов)

В 1994 г. в Париже под грифом CNRS-Editions издана фундаментальная монография (550 стр., 122 рис., 128 таблиц и подробные документальные приложения) об исследовании крупного древнего некрополя в Сен-Мартен де Фонтене в департаменте Кальвадос (Нижняя Нормандия). Монография (1) создана авторским коллективом под руководством профессора-археолога Кристиана Пиле и при участии известных археологов-медиевистов Мишеля Казански, Паскаля Випара, нумизмата Жаклин Пиле-Лемиер, антрополога Люка Буше и других. Основная направленность и хронологические рамки исследования вынесены в подзаголовок: "Исследование населения равнины Кана с VI в. до н.э. до VIII в.н.э.". Выход названной монографии, на наш взгляд, должен привлечь внимание европейских археологов, занимающихся эпохой Великого переселения народов, в том числе и археологов юга России и Украины.

Мы не ставим перед собой цели детально анализировать содержание упомянутой монографии. Подобная статья подразумевает профессиональную ориентацию в археологии Франции, на что не может претендовать автор этих строк. Наша цель скромна: дать лишь общее представление о некрополе Сен-Мартен де Фонтене, и особенно о погребениях и культуре эпохи "переселения" V-VI вв., представляющих для нас наибольший интерес вследствие их предполагаемых связей с культурой Средней и Восточной Европы (хотя последние и подверглись изменениям в ходе трансляции на Запад). Особое значение некрополя Сен-Мартен де Фонтене для восточноевропейской археологии заключается в том, что он находится в северо-западной части Нормандии и недалеко от побережья пролива Ла-Манш, т.е. в зоне позднеримского лимеса, где присутствовали не только германские, но и причерноморские (сармато-аланские) федераты, что, возможно, отражено в известном комплексе V в. из местечка Эран (13 км восточнее Сен-Мартен де Фонтене) (2, с.119-135). Выявление археологических следов последних является трудной, но не безнадежной задачей.

Рассматриваемый некрополь расположен в коммуне Сен-Мартен де Фонтене приблизительно в 6 км южнее города Кан и занимает довольно значительный участок близ церкви Св.Мартина. Охранные раскопки под руководством К.Пиле производились с марта 1985 по март 1986 гг.; всего на могильнике было вскрыто 876

погребений с обрядами ингумации и кремации, охватывающих время от VI в. до н.э. по VII в.н.э., но с перерывом в латенскую эпоху V-I вв. до н.э. Число древнейших захоронений доримского периода невелико — семь, хронологически они отнесены к финальному Гальштатту и отличаются северной ориентировкой могильных ям (1, с.43, рис.7). Непрерывное функционирование могильника началось в I в. до н.э., когда появились первые трупосожжения ранне-римского времени, некоторые с оградками (1, с.45, рис.11). Континуитет в существовании могильника продолжается до VII в., что свидетельствует о непрерывности в исторической жизни равнины Кана и очевидной линии этнической преемственности местного населения. К раннеримскому периоду относится шесть групп могил (1, с.77, рис.22), в следующую романо-германскую эпоху образовались три группы (1, с.83, рис.26), в V в. — пять групп могил (1, с.98, рис.39); могилы VI в. доминируют и топографически представляют сплошной массив, давший исследователям серебряную монету императора Юстина I (518-527) (1, с.130, рис.74). Подобный массив можно отметить и для горизонта погребений VII в. (1, с.154, рис.113). Выделение локальных групп могил позволяет поставить вопрос о социальных структурах. Особо отметим, что внимание исследователей акцентировано не только на изучении самих погребенных в Сен-Мартен де Фонтене людей, что оговорено в названии монографии. Каждая группа погребений сопровождается обстоятельной демографической характеристикой, основанной на исследовании краниологического и остеологического материала. Изучены случаи искусственной деформации черепов, сросшиеся переломы костей, следы трепанации, суставного ревматизма, кальцинации зубов, позволившая судить о состоянии природной среды, режиме питания и т.д. В нашей науке до недавнего времени примером специального палеопатологического исследования древних людей оставались монография Д.Г.Рохлина (3) и несколько отдельных статей (4, с.112-115). В этом смысле французские ученые о каждом погребенном индивидууме “выжимают” максимум информации, доступной на сегодняшний день. Конечно, такие методические подходы можно только приветствовать.

Кратко коснемся погребений эпохи Великого переселения. Для Сен-Мартен де Фонтене это V в., его вторая половина. Этих могил всего 67 (1, с.97), они представляют собой грунтовые ямы, ориентированные по линии запад-восток и в ряде случаев сохранившие древесный тлен от гробов (приводится графическая реконструкция подобной “деревянной камеры” из могилы 262) (1, с.48-49, рис.13). Многочисленны следы огня в виде древесного угля (1, с.51), вероятно, связанные с соответствующими культовыми представлениями. Нельзя особо отметить присутствие в данном горизонте погребений семи искусственно деформированных черепов (из них шесть женских). Возникновение этого еще слабо изученного варварского обычая авторами связывается с гуннами (1, с.102), хотя признается и распространение его в сармато-аланской среде. Весьма интересна карта находок деформированных черепов на территории Франции, демонстрирующая их концентрацию в районах Нижнего Рейна, слияния рек Сены, Марны и Уазы (округ Парижа), в бассейне Гаронны и наиболее плотно — восточнее реки Роны и северного Изера вплоть до долины Сены (1, с.104, рис.45). Эта карта, сопровождающая текст К.Пиле, М.Казанского и Л.Буше, применительно к Франции значи-

тельно превосходит более раннюю карту И.Вернера (5, карта 9). Заметим, что антрополог Л.Буше, сыгравший активную роль в исследовании некрополя Сен-Мартен де Фонтене, корректировал теорию И.Вернера относительно распространения деформированных черепов в Западной Европе и отказался от каких-либо этнических определений в специальной статье 1988 г. (6, с.58). Однако, при вполне понятной осторожности Л.Буше, хотелось бы заметить, что совмещение ареалов деформированных черепов и топонимики Галлии сармато-аланского происхождения, выделенной Б.Бахрахом (7, с.133-140) и В.Б.Ковалевской (8, с.209-221), демонстрирует такие совпадения, которые вряд ли могут быть случайными (хотя и не все французские ученые принимают сармато-аланскую интерпретацию этой группы топонимов Галлии).

Естественно, что наше внимание, наряду с деформированными черепами, привлекает погребальный инвентарь V-VI вв. восточного происхождения. Установлено, что в гуннскую эпоху активным производственным районом ювелирного и художественно-прикладного искусства было Среднее Подунавье. Дунайское влияние, дунайская "мода" отражена в материалах V в. Сен-Мартен де Фонтене и признана его исследователями (1, с.96-111). Но в сложении гуннского (термин условный — В.К.) ювелирно-художественного стиля аристократии среднего Подунавья огромную роль сыграли восточноевропейские и северопричерноморские элементы и импульсы. Поэтому речь может идти скорее не о прямой, а об опосредованной, эстафетной трансляции культурных элементов северопричерноморских кочевников конца IV - первой половины V в., достигшей Франции. Какие элементы материальной культуры мы имеем в виду?

Прежде всего — это калачиковидные (по К.Пиле-М.Казанскому в форме полумесяца — "en forme de croissant" — 1, с.106) височные подвески или серьги (1, с.106, рис.47). Авторы справедливо связывают их происхождение с Восточной Европой и помещают карту находок подобных серег (1, с.107, рис.48). Последняя наглядно свидетельствует о наибольшем скоплении калачиковидных серег на Северном и Северо-Западном Кавказе и в Крыму, причем учтены не все находки, иначе карта была бы еще показательней. На территории Восточной Европы калачиковидные серьги А.К.Амброзом датируются V в. (9, с.103), хотя встречаются и в комплексах VI в., и таким образом синхронизируются с материалом Сен-Мартен де Фонтене. В рассматриваемой монографии дана сводка находок калачиковидных серег (1, с.522-525), имеющая самостоятельное научное значение.

Другим женским украшением, распространенным в Восточной Европе в V-VI вв., являются серьги с "гирькой" или многогранником (с "полиэдрической бусой" по А.К.Амброзу — 9, с.103), многократно встреченные в Сен-Мартене де Фонтене (1, табл.20,2; 37,3; 66,439; 68,1a). Аналогии в восточноевропейских материалах настолько многочисленны и известны, что вряд ли есть необходимость их перечислять; на Северном Кавказе их так много и они так вариативны, что Д.М.Атаев и Я.Тейрал даже пытались выводить этот тип серег из данного региона (10, с.9). Серьги с полиэдрической бусой хорошо представлены в некрополе Дюрсо близ Новороссийска (раскопки А.В.Дмитриева — 11, рис.5,26; 6,3,29,50; 8,6 и т.д.), на противоположном конце кавказского перешейка в Дагестане они иногда отличаются необычной массивностью и заполнением полости бусины белой пастой (12,

с.241,244,247-249, рис.20,15; 24,11; 36,1,2). Серьга с красными стеклянными вставками ромбической формы из могилы 206 Сен-Мартен де Фонтене (1, табл.20,2) типологически близка серьгам с цветными вставками и зернью из могильника Суук-Су в Крыму (14, табл.1,5,13,17-19), датированного применительно к данному горизонту погребений второй половиной VI - первой половиной VII в. 915, с.177-185; 9, с.110). Можно было бы думать, что северопричерноморское происхождение серьги с полиэдрической бусой из могилы 206 Сен-Мартен де Фонтене вполне вероятно, но такое допущение осталось бы некорректным по двум причинам: 1) серия подобных серег из Среднего Подунавья, хранящаяся в Венгерском Национальном музее, датируется V в. (16, с.27, рис.10), поэтому не исключено их среднедунайское происхождение; 2) в бывшей Кубанской области была найдена явно не местная золотая серьга с полиэдрической бусой и подвеской (17, с.118, рис.131), скорее всего византийского производства. Впрочем, мы плохо знаем археологические материалы Византии и это серьезно мешает историко-культурной атрибуции многих вещей, находимых на Северном Кавказе и в Крыму. Вопрос о происхождении серьги из могилы 206 некрополя Сен-Мартен де Фонтене остается открытым, но восточный вариант представляется допустимым.

Таким же восточным элементом следует считать две серебряные двупластинчатые фибулы с накладками из женского погребения 359 (1, с.99, рис.40, табл.52-53). М.Казанский справедливо оценивает их как дериваты фибул типа Смолина по публикации Я.Тейрала (1, с.97). Фибулы Смолина И.Вернером и А.К.Амброзом датированы второй половиной V в. (18, с.112). Но это не северопричерноморские или северокавказские вещи: по Я.Тейралу фибулы типа Смолина являются чисто дунайской формой, возникшей в местных мастерских (10, с.28), что подтверждается А.К.Амброзом — причерноморские номады сармато-аланского происхождения VI в. двупластинчатых фибул не знали и ушедшие на запад аланы не могли ввести эту моду там (19, с.39).

Обратим внимание на маленькие орлиноголовые с гранатовыми вставками серебряные фибулы (напоминающие фигуру пингвина) из Сен-Мартен де Фонтене (1, с.117, рис.52, табл.27,1; 28,1; 37,3; 123,27-29). В древностях Северного Кавказа и Причерноморья полные аналогии нам неизвестны, но довольно широко были распространены стилистически сходные орлиноголовые пряжки, фибулы и подвески. Из старых материалов укажем хотя бы находки из северокавказских ущелий, опубликованные Е.Зичи (20, табл.ХХ,6,8,12), из новых — фибулы второго Хуламского могильника в Кабардино-Балкарии (21, с.167, рис.39,13) и катакомбного могильника "Мокрая балка" близ Кисловодска, где они датированы второй половиной VI -первой четвертью VII в. (22, с.44.47, рис.1,77). И в данном случае речь идет не о северокавказском или северопричерноморском происхождении "пингвинов" из некрополя Сен-Мартен де Фонтене, для чего нет оснований, а о распространении моды на стилизованные изображения хищных птиц (орлов, соколов), достигшей Центрального Кавказа. "Таких птиц с круглой головой и крупным изогнутым крючком клювом встречаем в эпоху переселения народов по всей Европе в древностях, так называемых мерovingнских, аланских, готских, начиная с керченских пряжек и фибул IV-V вв.," — писал еще Л.А.Мацулевич (23, с.34).

В целом оценивая научное значение материалов некрополя Сен-Мартен де Фонтене в той его части, которая относится к эпохе Великого переселения народов, мы можем сделать два главных вывода, проецируемых на восточноевропейскую - южнороссийскую археологию: 1) прав был А.К.Амброз, писавший, что древности гуннской эпохи лучше выделены и хронологизированы на Западе — на Дунае, Рейне, во Франции и поэтому они представляют основу для выделения их на нашей территории, тем более что от Франции до Дона и Керчи распространены довольно близкие комплексы вещей (19, с.30); некрополь Сен-Мартен де Фонтене отныне вписывается в круг подобных эталонных памятников; 2) анализ вероятных восточных элементов в культуре Сен-Мартен де Фонтене еще раз свидетельствует об огромных объективных трудностях в этнических определениях материалов эпохи Великого переселения на Запад, что уже отмечалось исследователями; тем большую ценность имеют те единичные пока артефакты, которые могут хотя бы предположительно указывать на присутствие восточно-европейских кочевников в Западной Европе. Наряду с гуннами мы имеем в виду сармато-алан.

Выше уже говорилось, что некрополь Сен-Мартен де Фонтене находится в зоне римского лимеса, защищавшего побережье Нормандии. По К.Пиле, крепости вдоль Ла-Манша от Авранша до устья Орка обеспечивали экономическую стабильность региона, в том числе равнины Кана, в течение большей части V в. В составе местных римских гарнизонов находились группы варваров, в частности германцы северные и восточные, на что есть указания в *Notitia Dignitatum* и в местной топонимике. Находка комплекса, вероятно, причерноморских вещей в Эране дает возможность думать и об участии какой-то сарматской варварской группы. Привлекательность службы в римской армии в качестве федератов (*volontaires*) объяснялась денежным жалованием и земельными пожалованиями, что регулярно осуществлялось до середины V в. и обусловило приток варваров.

В связи со сказанным, в развитии населения Нижней Нормандии во второй половине V в. наблюдается демографический скачок, подтверждаемый антропологически (24, с.98). Говоря об антропологических аспектах исследования некрополя Сен-Мартен де Фонтене нельзя не вспомнить о предложенном венгерским ученым И.Лендьелом методе палеосерологии, содержавшем попытку датирования костных останков средствами биохимического исследования (25, с.155-166; 26). Возникшие при этом некоторые противоречия с датировками археологическими отнюдь не скомпрометировали сам метод и разработки в данном направлении должны продолжаться. В целом же приоритетное изучение палеопопуляции и социальных структур древности, проявленное французскими археологами и антропологами на материалах некрополя Сен-Мартен де Фонтене, очевидно связано с явлением, на Западе получившим название исторической антропологии. В медиэвистике США с середины 70-х гг. приоритетными методами исследования признаны антропология и демография (27, с.170). В современной российской археологии наблюдается растущий интерес к аналогичным проблемам, что видно по публикациям Г.П.Романовой (28; 29), А.Е.Кислого (30; 31), А.Н.Гея (32), В.Н.Федосовой (33) и что можно только приветствовать, несмотря на существующие огромные материально-технические трудности.

Всесторонне и тщательно проработанный как в полевых, так и в лабораторных условиях материал некрополя Сен-Мартен де Фонтене, изложенный в прекрасно изданной монографии, знакомит нас с опытом, полезным для крымской и кавказской археологии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. La necropole de Saint-Martin de Fontenay (Calvados). Recherches sur le peuplement de le plain de Caen du Ve s. avant J.-C. au VIIe s. après J.-C. Sous la direction de C.Pilet. CNRS Editions. Paris, 1994.
2. Salin E. et France-Lonord A. Le trésor d'Airan en Calvados. Monument Piot, 43. Paris, 1949.
3. Рохлин Д.Г. Болезни древних людей. М.-Л., 1965.
4. Дэрумс В.Я. К палеопатологии жителей Кавказа // Известия АН Латвийской ССР. 1973. №3 (308).
5. Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. Tafelteil. München, 1956.
6. Buchet L. La déformation crânienne en Gaule et dans les régions limitrophes pendant le haut Moyen Age, son origine - sa valeur historique // Archéologie Médiévale. 1988. XVIII.
7. Bachrach B.S. A History of the Alans in the West. University of Minnesota Press. Minneapolis, 1973.
8. Kovalevskaja V.B. La présence alano-sarmate en Gaule: confrontation des données archéologiques, paléanthropologiques, historiques et toponymiques // L'armée romaine et barbares du IIIe au VIIe siècle. Paris, 1993.
9. Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. №2.
10. Teiral J. Mähren im 5. Jahrhundert. Die Stellung des Grabes XXXII aus Smolin im Rahmen der donauländischen Entwicklung zu Beginn der Völkerwanderungszeit. Praha, 1973.
11. Дмитриев А.В. Раннесредневековые фибулы из могильника на р.Дюрсо // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII вв. М., 1982.
12. Атаев Д.М. Некоторые средневековые могильники Аварии // МАД. Махачкала, 1961. Т.1.
13. Гмыря Л.Б. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Махачкала, 1993.
14. Репников Н. Некоторые могильники области крымских готов // ИАК. 1906. Вып.19.
15. Пудовин В.К. Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су // СА. 1961. №1.
16. Garam E., Kiss A. Gold Finds of the Migration Period in the Hungarian National Museum. Electa-Helicon, 1992.
17. Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1890. Вып. III.
18. Амброз А.К. О двупластинчатых фибулах с накладками. Аналогии к статье А.В.Дмитриева // Древности эпохи Великого переселения народов V-VIII вв. М., 1982.
19. Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа V-VII вв. М., 1989.
20. Zichy. Voyages au Caucase et en Asia Centrale. Budapest, 1897. Т. II.
21. Чеченов И.М. Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Нальчик, 1987. Т.3.
22. Афанасьев Г.Е. Хронология могильника Мокрая Балка // КСИА. 1979. Вып.158.
23. Мацулевич Л.А. Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926.
24. Пиле К. Восточноевропейские элементы в контексте некрополей Нормандии V-VII вв. // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV-IX вв.). Тез. докл. Симферополь, 1994.

25. Lendyel J. Chemico-analytical aspects of human bone finds from the 6-th century "pannonian" cemeteries // *Acta Archaeologica*. Budapest, 1971. XXIII, 1-4.
26. Lendyel J. Palaeoserology. Blood typing with the fluorescent antibody method. Budapest, 1975.
27. Репина Л.П. Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиэвистике // *Одиссей. Человек в истории. Личность и общество*. М., 1990.
28. Романова Г.П. Демографический анализ палеоантропологических материалов могильника Лебеди III // *Археологические открытия на новостройках*. М., 1986. Вып.1. Древности Северного Кавказа.
29. Романова Г.П. Опыт палеодемографического анализа условий жизни населения степных районов Ставрополя в эпоху ранней бронзы // *ВА*. 1989. Вып.82.
30. Кислый А.Е. Реконструкция демографической структуры населения степей Северного Причерноморья III-II тыс. до н.э. / *Дисс. ... канд.ист.наук*. М., 1989.
31. Кислый А.Е. Палеодемография и возможности моделирования структуры древнего населения // *РА*. 1995. №2.
32. Гей А.Н. Опыт палеодемографического анализа общества степных скотоводов эпохи бронзы по погребальным памятникам Прикубанья // *КСИА*. 1990. Вып.201.
33. Федосова В.Н. О возможностях использования антропологических данных для палеосоциальных реконструкций // *РА*. 1995. №2.